

Е.О. ОБИЧКИНА

Внешнеполитическое могущество во французской теории международных отношений

Современный мир переживает период становления новой системы международных отношений, когда изучение факторов, влияющих на ее формирование, приобретает особое значение. Разрушение узких рамок биполярного мира и то обстоятельство, что основы новой международной системы не нашли четкого оформления в международных договорах универсального характера, продиктованных волей, а значит, национальными интересами великих держав¹, модифицировало привычные условия становления нового мирового порядка и потребовало внести коррективы в сложившиеся теории международных отношений.

Не случайно именно к концу 80-х гг. XX в. в западной, прежде всего англосаксонской, политологии набирает силу конструктивизм, противопоставляющий жесткому объективизму и неореалистам, и неолибералов понимание мира как социально "создаемой реальности" [Wendt, 1999; Onuf, 1989]. Не отвергая объективных факторов, определяющих разницу материальных потенциалов основных акторов, которые действуют на международной арене, конструктивизм предлагает учитывать наряду с ними важные факторы субъективного порядка, поскольку, во-первых, организация человеческого сообщества определяется не только материальными силами, но и во все большей мере разделяемыми его большинством идеями и ценностями, а во-вторых, строящимися на основе этих идей и ценностей интересами субъектов международных отношений (Wendt).

Если англосаксонский конструктивизм заявил о себе сравнительно недавно, то французская политология, рождение которой пришлось на время утверждения институтов и идей Пятой республики, изначально была отмечена его печатью. Французская школа придавала субъективному фактору несравненно большее значение, чем это было принято у сторонников школы реализма. Тем самым расширялись рамки возможного для волюнтаристской политики голлизма, а это больше соответствовало обоснованию международных амбиций Франции при недостатке материальных средств, которые были бы способны подкрепить эти амбиции в глазах "реалистов". Вместе с тем признание конструктивистского метода вовсе не означало для французской политологической школы смены главного объекта анализа. Им по-прежнему в духе классического реализма оставалось государство и его возможность влиять на международную реальность.

¹ Под великими державами здесь понимаются державы-победительницы, которым, согласно мировой практике XVII–XX вв., военное превосходство давало право диктовать свою волю международному сообществу.

"Могущество" государств во французской политологической традиции: политика силы и внешнеполитическое могущество

Объект политологического анализа, как и вообще объект исследования социальных наук, редко бывает подчинен праздному интересу. Как правило, он связан с основными общественными или государственными запросами. Если и есть в мире страна, для которой идеальное представление о своем мировом ранге едва ли не важнейшее объективных факторов, то это Франция. Ослабление Франции в результате Второй мировой войны и условия биполярности поставили под вопрос возможность сохранения особой мировой роли французской дипломатии, которая традиционно связана с представлением о великой или мировой державе. Французский эквивалент этого понятия (*la Grande puissance*), в котором *puissance* – не только держава-государство, но еще и сила, и могущество, – отражает прежде всего классические категории международных отношений как столкновение различных национальных интересов. С рождением голлистской республики, главной идеей которой было возвращение Франции ее величия, проблематика внешнеполитического могущества стала центральной темой работ по теории международных отношений [Тюлин, 1988].

Не случайно два пионера "французской школы" теории международных отношений – Р. Арон и Ж.-Б. Дюрозель, исходя из свойственных теории реализма представлений о мировом порядке, построенном на равновесии сил как результате соперничества держав, ставили под вопрос силовой детерминизм американской школы: он сужал потенциальные возможности проведения политики независимости Франции в условиях непререкаемого военно-технического превосходства сверхдержав. Арон в книге "Мир и война между нациями" отрицал монополию какого-либо государства на власть в мире, указывая на существование множества центров власти и отстаивая тем самым идею многополюсного мира в противовес жесткой биполярности эпохи холодной войны. В книге Арона (а это было одно из первых французских сочинений по теории международных отношений) важное место занимают рассуждения о силе и могуществе как о средствах проведения внешней политики. Арону принадлежит классическое определение "могущества" (*puissance*), принятое сегодня во французской политологии. Это "способность одной политической единицы навязать свою волю другим и не дать другим навязать ей свою волю" [Aron, 1984, p. 58].

При этом автор делает важное "конструктивистское" замечание: "могущество не есть некий абсолют, оно относится к сфере отношений между людьми". Тем самым могущество выводится из сферы анализа объективного, то есть исчисляемого и измеряемого соотношения сил. Арон разделяет "ресурсы или военную силу", которые могут быть оценены объективно, и "могущество", которое, принадлежа области человеческих отношений, не зависит только от средств и инструментов, а связано с действием, с человеческой или государственной деятельностью. "Сила" предполагает мускульную мощь индивидуума или силу оружия для государства. Но "сила – ничто без нервного импульса, изобретательности, решимости" [Aron, 1984, p. 59], и это замечание очень характерно для французской политологии. Не случайно Арон предвещает рассуждения о внешнеполитическом могуществе замечанием, что для французского уха выражение "политика могущества" (*power politics* – англ. или *Macht Politic* – нем.) звучит странно, как перевод с чуждого языка. "Политика силы" и "политика могущества" (*politique de force* и *politique de puissance*) различаются для него так же, как по-английски различаются *power* (сила, мощь, власть) и *strength* (сила, прочность), а по-немецки *Macht* и *Kraft*. С "политикой силы" могут ассоциироваться германская *Macht Politic* или поведение непререкаемых гигантов биполярного мира – СССР и США.

Такая политика, по мнению Арона, никогда не может быть абсолютно успешной ни для одного государства. Если, согласно М. Веберу, во внутривнутриполитическом плане государство и является единственной инстанцией, обладающей монополией насилия, в мире такая монополия одного какого-либо государства невозможна. В нем неизбежно будет существовать множество центров власти, следствием и одновременно

доказательством чему является наличие постоянной угрозы войны, то есть применения насилия как важного атрибута мировой политики.

"В отношении государства, – пишет Арон, – мы предлагаем различать военную, моральную, экономическую силу и *могущество, которое является применением этих сил в определенных обстоятельствах и с определенными целями*" (курсив мой. – Е.О.) [Aron, 1984, p. 82]. В то время как оценка сил доступна приблизительному измерению, оценить могущество, хотя оно и зависит от сил, которыми располагает государство, можно с еще меньшей долей вероятности.

Соответственно подходит Арон и к определению цели внешней политики. В качестве парадигматической рамки своих рассуждений он указывает на триаду "могущество–слава–идея". "Если бы безопасность была с очевидностью или по необходимости главной целью, можно было бы *теоретически* определить рациональное поведение (на международной арене). Важно было бы, в зависимости от конъюнктуры, определить оптимальное измерение силы и действовать соответственно". Но "политические единицы хотят быть сильными (*fortes*) не только для того, чтобы обескуражить агрессора и жить в мире. Они хотят быть сильными, чтобы их боялись, уважали или чтобы ими восхищались. В конечном счете они хотят быть *могущественными* (*puissantes*) (курсив мой. – Е.О.), то есть навязывать свою волю соседям и соперникам, влиять на судьбы человечества, на будущее цивилизации". Следовательно, "могущество может быть главной целью так же, как и безопасность" [Aron, 1984, p. 83], оно относится к вечным, непреходящим целям, в отличие от целей "исторических", то есть определяемых временем и обстоятельствами. Могущество в глазах Арона – не только сила, необходимая для обеспечения безопасности. Оно неизменно сопровождается более амбициозными намерениями, подразумевающими борьбу за планетарное влияние. Влияние это необязательно влечет за собой материальные приобретения. Слава – не менее желанная награда, чем земли, богатства и порабощение врагов.

"За что борются общества, если не за расширение земель, которые они обрабатывают или богатства которых они используют, за подчинение себе людей, ныне иностранцев, завтра – рабов или сограждан, или за победу той или иной идеи (религиозной или социальной), универсальную правоту которой это сообщество провозглашает, одновременно возвещая о собственной миссии"? Именно последняя задача соотносится у Арона с понятием величия. "Идея и величие, – пишет он, – два движущих мотива в поисках славы, притом что идея для верующего имеет вполне определенный смысл, в то время как слава неуловима, поскольку связана с диалогом сознаний, ведь необходимо, чтобы другие признавали твое превосходство" [Aron, 1984, p. 86]. Последнее очень важно для внешнеполитической идентичности Франции. С одной стороны, это оправдывает усилия, затрачиваемые на реализацию ее мессианских устремлений, с другой – является основой ее желания быть признанной на мировой арене в качестве глашатая универсальных ценностей. Следует отметить еще одну важную черту концепции Арона и ее отличие от современной ему англосаксонской теории реализма. Благодаря Арону, задолго до появления конструктивизма в анализе международных отношений, во французской политологии утвердилось мнение, что внешняя политика государства – производное не только от соотношения сил, но и от устремлений гражданского общества и значения его ценностей, разделяемых международным сообществом. Это не вечная и универсальная данность, а реальность, вписанная в определенный историко-политический контекст.

Главный труд Дюрозеля по теории международных отношений также посвящен проблеме мирового могущества. Его название "Всякая империя погибнет" – ключ к анализу причин возвышения и упадка международного влияния государства и сообществ и пророчество неизбежного конца биполярного мира. Дюрозель считал одной из "регулярностей" истории человечества ("регулярности" он ставит на место законов исторического развития) существование различия "потенциалов", что всегда вело к завоеванию более могущественным государством чужих территорий или, если таких "тяжеловесов" было несколько, к столкновению из-за территорий [Duroselle, 1992, p. 270].

Для Дюрозеля определение великих (могущественных) держав имеет прежде всего исторический характер: их список неоднократно меняется с XVII в., меняется и содержание этого понятия, но независимо от изменений великие державы всегда друг друга признавали и неохотно пускали других в свой привилегированный клуб. Роль личности или целенаправленной политики государства, определяемой ее творцами, необходимо дополняет материальные факторы или то, что Дюрозель называет "элементами" могущества (обладание современными вооруженными силами, а также территорией, населением и экономическим потенциалом). Сами по себе они недостаточны для реализации могущества. Во-первых, влияние средней, малой или великой державы тесно связано с обстоятельствами, которые определяются более или менее устойчивым совпадением интересов и связями солидарности. Во-вторых, творцам внешней политики необходимо грамотно пользоваться инструментами могущества в качестве действий, способных переломить волю другого. Эти инструменты – проявление инициативной внешней политики (убеждение, торг, репрессии или ответные меры, угроза применения силы и само применение силы). В реализации могущества всегда есть доля конструктивизма. И это доказывает "парадокс сверхдержав": они имели разрушительный потенциал, намного превышающий средства прежних великих держав, но способность навязать свою волю другим гораздо меньшую, чем у великих держав прошлого. Их сдерживали условия, налагаемые построенной при их активном участии системой международных отношений: страх превращения конфликтов в термоядерную войну, наличие "нейтральных зон", например в Европе, где они с обоюдного согласия отказывались от вмешательства в страны противоположного лагеря.

В начале 90-х гг. XX в. Ф. Моро Дефарж выпустил обобщающую работу по теории международных отношений, которая стала во Франции своего рода итогом политологических размышлений над реалиями биполярного мира [Moreau Defarges, 1990]. Так же как его предшественники Арон и Дюрозель, Моро Дефарж считает, что международный вес, то есть могущество государства, определяется не только и не столько материальными предпосылками, сколько целенаправленной деятельностью, проникнутой чувством исполнения определенной миссии, и эта деятельность – наиболее изменчивый фактор могущества. Могущество преходяще, и причина упадка кроется в самой его природе: издержки могущества начинают постепенно перевешивать его преимущества. Это признание можно расценивать и как следствие рефлексии по поводу международного веса Франции, и как ключ к анализу перспектив сохранения и роста мирового влияния ее конкурентов. В дальнейшем тема ответственности приобретает иное звучание: она рассматривается в контексте трансформации содержания понятия суверенитета в глобализованном мире. Книга Моро Дефаржа отражает основные направления внешнеполитических забот Франции того времени, когда у французских аналитиков, наблюдавших закат биполярного мира, не было еще осознания угрозы безраздельной американской гегемонии, как, впрочем, и предвидения скорого распада Советского Союза.

Суверенитет и понятие международной ответственности государств в постбиполярном мире

К концу 1990-х гг., когда обозначились не только первые итоги крушения Ялтинско-Потсдамской системы, но и тенденции будущего развития, группа французских политологов, сотрудничающих с Институтом политических исследований Парижа (IEP-Sciences Po), выпустила коллективный труд "Новые международные отношения" [Les nouvelles... 1998]. Авторы предложили французскому читателю критическое изложение новых, главным образом американских, подходов к анализу современной международной реальности. Но выбор сюжетов высвечивает болевые точки французской дипломатии.

Б. Бади, автор первой главы, задающей книге своего рода парадигматические рамки, назвал свой опус "От суверенитета к возможностям государства". Тем самым он указал на одно из наиболее значимых направлений трансформации Вестфальской системы и,

следовательно, анализа международных отношений: на возможность пересмотра государственно-центристской модели мира, главным двигателем которой оставалось соперничество между государствами. Ключом к изучению привычной системы является анализ соотношения могущества, а понятийная пара "суверенитет–могущество" остается отправной точкой всякого анализа. Между тем, как считает Бади, прогресс глобализации все более подрывает позиции защитников суверенитета, усиливая тенденцию к взаимозависимости. Согласно теории реализма, господствующей во французской и вообще в западной политологии, государство – не столько институт проведения внешней политики, сколько самоцель: будучи главным игроком на международной арене, государство обязано было отчитываться в своей внешней политике только перед самим собой, поверяя ее результаты национальным интересом, который Бади считает фикцией, ибо понятие это чисто субъективное. По мнению Бади, теория реализма страдает излишним универсализмом, так как, прибегая к легитимации внешней политики страны национальным интересом, она предполагает, что каждое государство является государством-нацией. Между тем сегодня подвергается сомнению не только универсальность этой модели государства, но и идея легитимности исключительно национального интереса.

Бади обращается к идеям американского политолога Ф. Денга [Deng, 1996], предложившего новое понимание международной ответственности. Глобализация делает понятие суверенитета все более относительным. Новые формы интеграции мало-помалу обнаружили, что самодостаточность государства отступает под натиском новых факторов. К ним относятся: появление понятия "общественного богатства человечества" вне государственных границ, взаимозависимость между политическими сообществами и между экономиками, множасьшие интеграционные пространства. В новом контексте обнаруживается тенденция смены вех: "государство больше не является самоцелью, но инструментом, прежде всего оно призвано служить человеческому сообществу, а не быть его единственным воплощением". Государство "перестало быть узко суверенным: оно – часть общества, определенные параметры которого явно глобализованы" [Deng, 1996, p. 54]. Поэтому применительно к международным отношениям предстоит вновь изобрести теорию общественного договора, придав ей более широкий смысл, вызывающий к понятию целого человечества. Государство прежде всего должно быть ответственно перед человечеством, а потом уже суверенно, поскольку человечество чрезвычайно зависимо от экологических катастроф и рисков развития, превратностей мировой экономики, демографических различий, от покушений на права человека и распространения насилия.

Следуя за рассуждениями Денга, Бади задается вопросами, способными подсказать нам предмет его озабоченности. Во-первых, каковы пределы мировой ответственности государства? Если каждое государство ответственно на мировой арене, поскольку большинство его действий имеют глобальные последствия, то может ли это повлечь для него *моральную обязанность вмешательства вне его границ?*

Во-вторых, как связана эта ответственность с неравными силовыми возможностями государств? Ведь, с одной стороны, эффективность вмешательства и, с другой – подсудность государства международному сообществу определяются его возможностями, следовательно, его могуществом. Ответственность по-прежнему противопоставляет сильного и слабого и таким образом хотя бы частично вписывается в рамки теории реализма. Для одних, более могущественных государств, ответственность есть проявление могущества. Для других, более слабых, она сводится к подсудности их международному сообществу или более могущественным государствам. При этом отличие от подхода "реалистов" состоит лишь в том, что от могущества отнимается его непереманный атрибут – суверенитет.

В-третьих, как институционализировать ответственность? Новую потребность в ответственности способны реализовать межправительственные институты, но за ними стоит воля государств-наций. Как тогда они могут разорвать рамки суверенитета этого самого государства? Бади заключает, что международные организации, возросшая роль которых, казалось бы, ставит под вопрос роль государства, остаются главным консерватором модели государства-нации и прежней международной практики.

За вопросами, поднятыми Бади, стоит целый ряд проблем, требующих от Франции принципиальной позиции на международной арене: сохранение суверенитета и оправдание собственного внешнеполитического курса, глобальная (моральная и реальная) ответственность, в рамках независимых дипломатических решений, легитимность вмешательства в дела других государств в интересах человечества, реализация ответственности в зависимости от могущества государства, возвращающая нас к центральной тематике французской школы теории международных отношений.

П. Асснер – автор главы, подводящей итог этого коллективного труда, указывает на кризис устоявшихся теорий международных отношений, отражающий кризис мировой системы – следствия геополитических изменений конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Свои рассуждения он начинает с анализа изменения баланса внешнеполитического могущества в мире с точки зрения международной безопасности. Понятие могущества, отмечает автор, было центральным в теории реализма, основанной на понятии равновесия сил, производного от соперничества государств. Крушение СССР и объединение Германии, совершившиеся без войны (что было абсолютно непредвиденным), – все это на какое-то время породило близкие школе идеализма мечты об установлении "мира, основанного на законе". Однако надежды на то, что поиски могущества и равновесия сил будут заменены "новым мировым порядком", основанным на коллективной системе международной безопасности, развеялись после войны в Персидском заливе и особенно после войн в бывшей Югославии. Мечта XVIII и XIX вв. о прочном мире, который воцарится благодаря развитию торговли, науки и либерализма, по-прежнему далека от воплощения. Во-первых, даже развитые либеральные общества не застрахованы от возврата "подавленных инстинктов" (каким было в свое время установление тоталитарного режима в демократической Веймарской республике). Во-вторых, благополучные буржуазные государства, основанные более на соображениях личного интереса, чем на страстях, окружены и пронизаны иными в смысле морали обществами и группами. И то и другое меняет привычные концептуальные рамки западной политологии.

От Т. Гоббса до Р. Арона, включая К. Клаузевица и М. Вебера, политические мыслители сходились в понимании различия между внешними и внутренними делами. Оно состоит в том, что внутри себя нации находятся в гражданском состоянии мира, когда только государство обладает законным правом на насилие. В то же время на международной арене нации эти оставались в первобытном состоянии соперничества, то есть потенциальной войны: государства оставляли за собой право применить силу в качестве решения, заменяющего переговоры (торг). В этом смысле война была продолжением политики другими средствами. В конце XX в. «мы присутствуем при усилении угроз безопасности для либерального общества не извне, а изнутри – из-за упадка "современного государства", его монополии на насилие внутри и его возможности вести войну вовне» [Les nouvelles... 1998, р. 384]. Внутренняя уязвимость современных западных обществ вследствие демографических сдвигов, с одной стороны, и размывание суверенитета вследствие глобализации и интеграции – с другой, составляют предмет озабоченности французских политологов, поскольку они снижают классические показатели французского внешнеполитического могущества.

Могущество в условиях глобализации: от национального могущества к многосторонней дипломатии

Идея величия (а именно из нее исходила Франция со времен Людовика XIV, определяя свое место в мире) развивалась в логике парадигмы, ключевым понятием которой было "государство-нация". Для нового поколения французских аналитиков и политиков эта парадигма уже не является безусловной и единственной. По их мнению, многосторонняя дипломатия в условиях глобализации должна сменить межгосударственное соперничество, в котором главным был эгоистический государственный интерес. В новых условиях иначе понимается и внешнеполитическое могущество. Эта характеристика, адекватная определению места страны в мировом сообществе,

трансформировалась вместе с международным контекстом. Бади в соавторстве с М.-К. Смутс в работе, название которой можно перевести как "Перевернутый мир" [Badie, Smouts, 1995], дали скорректированное новыми реалиями определение могущества как способности контролировать правила игры в одной или нескольких ключевых областях всемирного соревнования. Могущество сохраняет, таким образом, свое глобальное измерение, являясь атрибутом, позволяющим его обладателю играть мировую роль. П. Бонифас, размышляя о международном ранге Франции в 90-х гг. XX в., добавляет к этому определению качество, выделенное американцем Дж. Наем как *soft power* ("мягкое могущество"), отличное от *hard power*, которое характеризует силовое превосходство. Первое позволяет стране "строить ситуацию таким образом, чтобы другие страны делали выбор или определяли бы свои интересы в соответствии с ее собственным интересом... Универсальный характер культуры этой страны и ее способность установить систему благоприятных для нее правил и институтов представляют собой важные источники могущества" [Nye, 1990, p. 173, 30].

Бонифас вслед за Наем добавляет к критериям могущества то впечатление, которое производит данная страна в мире. Этот образ зависит от самых различных факторов. "Это – могущество, конечно, если оно кажется законным, испытывающим уважение к другим и хотя бы отчасти имеющим целью общий интерес, но также и культурная креативность, место в индустрии развлечений, качества, приписываемые ее народу или уровень игры ее футбольной команды, и т.д." [Boniface, 1998]. Главнейшим из принципиально новых факторов, утверждающих внешнеполитическое могущество, по мнению Бонифаса, является *взаимозависимость*. «Можно предположить, что именно взаимозависимость создает сегодня могущество. Это делает малопригодными его классические определения (влиять на решения другого, сохранять контроль над собственными решениями)... Революция в определении критериев могущества (знание вместо силы, "мягкое могущество" вместо "силового могущества") и их изменение (спутник космического наблюдения вместо танка, телевидение вместо книги как источник информации) являются лишь производными от такого роста взаимозависимости и конца двусторонних отношений типа Франция–Германия или США–СССР. Двусторонняя игра закончена» [Boniface, 1998, p. 40].

Глобализация и ее дипломатическое отражение – многосторонность неизбежно приводят к стиранию образа национального могущества. Восприятие Франции как страны, которая не может больше называться великой державой, порождено не столько резким снижением ее внешнеполитического потенциала, сколько психологическим процессом, сопутствующим победе многосторонней дипломатии. "Французская внешняя политика, так же как внешняя политика других стран, стала все менее национальной, и наше место в международной табели о рангах определить все труднее", поскольку по сравнению с временами, когда могущество имело национальное измерение, система координат изменилась. Сегодня мы живем в системе все более многосторонних международных отношений, заключает Бонифас. Он добавляет к новым составляющим могущества, помимо экономики и культурной или информационной экспансии, способность влиять на базовый фон многосторонней дипломатии и постоянно приспосабливаться к новой геометрии мира. Сегодня все еще надо уметь создавать коалиции, но они должны быть, в отличие от прошлых союзов и блоков, более подвижными и многослойными: надо создавать группы влиятельных государств вокруг определенных проектов и предложений.

"Когда-то Франция имела в мире аудиторию, восприимчивую к ее международным призывам, сейчас она должна уметь убеждать, выдвигать наилучшие программы и играть объединительную роль". Особенность многосторонности в том, что она делает могущество незаметным, поскольку надо вести переговоры все время и со всеми, и здесь силовое давление не может быть решающим: успех требует компромиссов, взаимных уступок и разного рода увязок, в чем и состоит уравнилельная роль многосторонности. Многосторонность, по мнению Бонифаса, – одно из главных преимуществ Франции в новой дипломатической игре: она позволяет "использовать могу-

щество других для усиления собственного могущества. Это не отказ от могущества, стирание национального интереса в пользу общих интересов, но, в сущности, борьба за национальные интересы другими способами, скрытая стратегия достижения могущества" [Boniface, 1998, p. 50]. Сохранение французского международного могущества в опоре на многостороннюю дипломатию и на интеграцию – главная стратегия современной внешней политики Франции. Основное внимание в этом смысле привлечено к европейскому направлению интеграционных устремлений страны.

В 2002 г. увидели свет два издания, связанные с именем президента Французской академии моральных и политических наук Т. де Монбриаля. Во-первых, под его руководством появился коллективный труд с футуристическим названием "Франция нового века" [La France... 2002]. Во-вторых, его собственная книга "Действие и система мира", в которой Монбриаль излагает основы новой дисциплины – "праксеологии", то есть "науки о действии" в смысле "попыток индивидуальных, но чаще всего коллективных, формулировать и реализовать проекты, призванные изменить мир (или какую-то его часть)... наметить основные вехи и влиять на ход истории (наряду с тем, что некоторые называют случаем, а иные судьбой)" [Montbrial, 2003, p. XXV]. Субъект деятельности в прaxeологии автор определяет как "активную единицу", обладающую Организацией, нацеленной внутрь и вовне, а также культурой и определенной идентичностью, будь то государство-нация, сообщество или предприятие. Понятию "могущества" в книге посвящена отдельная глава. Монбриаль считает, что "могущество есть сочетание потенциала и способности действовать" (в смысле перехода от виртуального к реальному). Поэтому в русле французской политологической традиции автор признает большую роль культурного измерения могущества, связанного не только с уровнем научно-технического развития, но и с моральными ресурсами политической единицы, в особенности с ее представлением о себе самой. Моральный фактор, по мнению автора, – во всякой "активной единице" главный мультипликатор могущества. "Моральный дух активной единицы покоится на принадлежности ее членов к стабильной системе обычаев, ценностей и верований, или к Культуре и, в частности, на легитимности Организации, на которую возложено определение и реализация целей данной активной единицы". Культура и идеология – это моральные ресурсы, определяющие внутреннее единство, но также и его внешнее влияние. Так, Франция постоянно стремится утвердиться в качестве "родины прав человека" или носительницы "идеи развития стран Третьего мира" [Montbrial, 2003, p. 65]. Притом, что книга Монбриаля не внесла существенных корректив в определение могущества, предложенное его предшественниками, значение ее для нашей темы достаточно велико. Блестящая карьера Монбриаля строится на присущей ему способности улавливать перспективные направления размышлений интеллектуальных и политических элит, и прaxeологическая задача, поставленная в книге, соответствует одновременно и глобальной конъюнктуре рождения новой системы международных отношений, и стремлению Франции предложить и реализовать собственный проект глобализации.

Книга "Франция нового века" представляет собой срез основных проблем и перспектив развития страны на рубеже веков. Монбриаль задается вопросом: "Какое будущее ждет Францию?". Он считает, что "будущее Франции – это Европа". Государство-нация – это всего лишь стадия, сравнительно недолгая и преходящая в развитии человеческих сообществ. Ведь идея государства-нации, так же как идея глобализации, исходила из убеждения, что развитие наций – этап на пути великого объединения всего человечества. Это объединение станет моделью иного масштаба, но схожей с национальным государством: ведь при своем становлении государство-нации пережили тот же период униформизации и борьбы с провинциальным сепаратизмом и местными наречиями, в них было то же стремление к установлению экономического и культурного единства, к преодолению языковой разобщенности. Монбриаль считает, что, как и в прошлом, "европейское сознание пребывает в просвещенной части Европы, которая поведет за собой остальную ее часть" [La France... 2002, p. 500]. Если оставить в стороне футуристический пафос Монбриаля и обратиться к анализу сдвигов в современных

международных отношениях во французской политологии, то интернационализация или регионализация внешней политики Франции в рамках Европейского союза представляется сегодня данностью, и рассуждения об этом новом ее качестве занимают все более важное место.

В 2002 г. группа французских внешнеполитических аналитиков выпустила коллективный труд "Внешняя политика: новые подходы". Руководителем авторского коллектива Ф. Шарийоном написана заключительная глава книги. Она посвящена "регионализации" внешней политики, под которой автор понимает приращение ей европейского масштаба в рамках предусмотренной Маастрихтским договором совместной европейской внешней политики. Автор исходит из необходимости адаптации внешней политики к коренным изменениям условий международной деятельности, прежде всего к глобализации и к концу блокового противостояния. Один из главных путей такой адаптации Шарийон видит в регионализации, то есть в расширении национальных рамок внешнеполитической деятельности до масштабов всего европейского или какого-либо другого сообщества. Более того, он считает, что такая регионализация неизбежна вследствие эволюции современной внешней политики. Речь идет о тенденции, "проявления и последствия которой будут еще уточняться, но уже сейчас ясно, что рамки региональной взаимозависимости налагают все больше обязывающих условий на проведение национальной внешней политики, даже порой определяют ее" [Charillon, 2002, p. 394].

Пока еще один только Европейский союз возвел регионализацию внешней политики в ранг "*приоритетной и ясной политической цели*", и последствия регионализации в контексте европейской интеграции напрямую касаются международных позиций Франции. Критериями регионализации внешней политики являются: многосторонний характер дипломатической деятельности, выработка несколькими государствами общего видения мира, совместимость их национальных интересов, чтобы "*интерес владения*" (*intérêt de possession*) был заменен "*интересом сообщества*" (*intérêt de milieu*) (курсив мой. – Е.О.). Признание, что регионализация внешней политики отдает приоритет интересам избранного круга государств (в данном случае стран ЕС) перед интересами национального могущества, представляется поворотным моментом в анализе перспектив международного влияния Франции, ведь конечной задачей внешней политики ЕС является "*совместное утверждение нового дипломатического субъекта на мировой арене*", чтобы усилить присутствие в мире нового игрока с глобальными амбициями, в условиях, когда эти амбиции недоступны больше национальным дипломатам [La France... 2002, p. 406].

Углубление европейской интеграции, то есть процесс регионализации внешней политики – не единственный фактор, размывающий внешнеполитическую монополию государств-наций. Еще в 70-х гг. XX в. М. Мерль [Merle, 1974] – основатель французской социологии международных отношений указал на появление на международной арене новых, транснациональных или интернациональных игроков: транснациональные корпорации (ТНК), международные неправительственные организации (МНПО), международное общественное мнение, выразителем которого становятся гражданские движения и неформальные организации. Развитие этой тенденции дало основания Смутс, руководителю вышеупомянутого коллективного труда "Новые международные отношения", в конце 1990-х гг. утверждать, что «меньше, чем за век картина международного сообщества прошла путь от модели "сообщества государств" (все они были нацелены на соперничество и преследовали эгоистические цели могущества и национального интереса) к "мировому гражданскому сообществу", неоднородному, многоцентричному, в поисках общего регулируемого пространства» [Les nouvelles... 1998, p. 135].

Смутс интересуется возможностью установления новой системы управления этим международным сообществом. После Второй мировой войны идея такого управления была реализована в системе ООН и распространении специальных агентств и программ ad Nos, отражающих различные аспекты человеческой деятельности. Цель такого "права сотрудничества" – коллективные усилия для реализации общечеловеческих

ценностей: запрет на применение силы в международных делах, освобождение колониальных народов, право на развитие, защита культурного и экологического наследия, защита прав грядущих поколений (программы "устойчивого развития"), "демократическое вмешательство" для защиты прав человека. В этой перспективе международное право больше не служит лишь межгосударственному порядку, а является основой мирового социального порядка. Громадная потребность в правовом обосновании международных действий проявляется в интенсификации межправительственных международных конференций, саммитов, комитетов и т.д., решения которых, добавляет автор, носят все более обтекаемый характер.

Здесь важно вспомнить вывод Бади о том, что международные организации, обладающие компетенцией принятия решений на региональном и мировом уровнях, являются полем деятельности все тех же государств-наций. В то же время на недостаток воли и решительности в резолюциях и действиях международных организаций, предпочитающих мониторинг силовым решениям, указывает и Шарийон, рассуждающий о плюсах и минусах регионализации дипломатии. Совмещение этих рассуждений свидетельствует о том, что значение поднятых вопросов выходит за рамки чистой науки. Для французской политологии, в которой большое значение всегда придавалось волевому фактору в реализации внешнеполитического могущества страны, ослабление ее влияния на международной арене объясняется объективными тенденциями снижения роли отдельных государств. Но если практически любое государство становится все более ограниченным в своих действиях, то лучшим выбором может стать умножение могущества отдельных государств через интеграцию, хотя коллективным внешнеполитическим акциям имманентно присущ недостаток решительности. И это проблема, над решением которой должны трудиться политики. Последнее соображение – своего рода мост между теорией и реальной дипломатией.

Направление рассуждений, предложенных в теоретических трудах, изданных в последнее десятилетие под эгидой Института политических исследований – *alma mater* французской политической и дипломатической элиты – задает тон идейному формированию ее нового поколения, и политический заказ здесь очевиден. Задача современной французской внешнеполитической теории – не рефлексия, а обоснование перспективных направлений внешнеполитической деятельности Франции по строительству новой системы международных отношений, в которой Франция могла бы занять достойное место. Эти перспективы видятся в использовании преимуществ многосторонней дипломатии и регионализации внешней политики, главным из которых для страны является ее участие в ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988.
Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1984.
Badie B., Smouts M.-Cl. Le retournement du monde. Paris, 1995.
Boniface P. La France, est-elle encore une grande puissance? Paris, 1998.
Charillon Fr. Vers la régionalisation de la politique étrangère // Politique étrangère: nouveaux regards. Paris, 2002.
Deng F. Sovereignty as Responsibility. Washington, 1996.
Duroselle J.-B. Tout Empire périt. Théorie des relations internationales. Paris, 1992.
La France du nouveau siècle. Paris, 2002.
Les nouvelles relations internationales. Politiques et théories. Paris, 1998.
Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris, 1974.
Montbrial T.de. L'action et le système du monde. Paris, 2003.
Moreau Defarges Ph. La politique internationale. Paris, 1990.
Nye J. Bound to Lead. New York, 1990.
Onuf N.G. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theorie and International Relations. Columbia (S.C.), 1989.
Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.